

Т. А. Савчук

*доцент кафедры конституционного и административного права
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ДОМАШНИЙ АРЕСТ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мера пресечения в виде домашнего ареста была введена в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь в 1999 г., хотя ее истоки обнаруживаются на ранних этапах развития российского государства.

Так, А. П. Куницын упоминает «домовой арест», которому подвергались лица духовного сословия или обвиняемые в политических преступлениях в период феодальной раздробленности Руси. В.А. Линовский указывает на применение домашнего ареста по Уставной книге Разбойного приказа 1555 г., П. И. Люблинский датирует его использование в России в 1632 г., Н. В. Помошкова – в 1716 г., а П. В. Макалинский – в 1795 г. Отдельные ученые (Н. М. Перетяцько, А. А. Рождествина, Е. В. Салтыков) считают, что данная мера в России начала применяться только во времена Петра I. Проведенное нами исследование приводит к выводу, что домашний арест применялся в указанные временные периоды, но не имел под собой правовой основы.

Отметим, что статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов не содержат упоминания о домашнем аресте как мере пресечения или наказания, а на территории Беларуси с XIII до XVIII в. самой распространенной мерой пресечения была отдача за пристава, которая применялась к лицам привилегированного сословия.

Впервые нормативно домашний арест как мера пресечения был оформлен в Своде законов Российской империи 1832 г., согласно которому применение этой меры являлось прерогативой полиции. В период действия Свода законов Российской империи 1857 г. домашний арест не был распространенной мерой, избирался в отношении лиц высокого общественного положения и заключался в том, что в доме арестованного находился полицейский или жандарм.

Такая ситуация сохранялась до принятия в России в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС), который не только сохранил домашний арест, но и установил иерархию мер пресечения, а также основания их применения. Избрание домашнего ареста (равно как и иных мер пресечения) входило в компетенцию следственного судьи как по собственному усмотрению, так и по предложению прокурора. Со временем это право было предоставлено

полицей, чинам сыскных отделений, лицам, производящим дознание по государственным преступлениям и преступлениям против порядка управления. Полномочия судебно-следственных органов при избрании мер пресечения ограничивались тяжестью преступлений, в основе дифференциации на три категории которых лежали санкции, предусмотренные законом за их совершение. При этом следователь (суд) мог применить по своему усмотрению лишь менее строгую меру пресечения, руководствуясь тяжестью преступления и грозящего наказания (ст. 421 УУС).

В соответствии со ст. 428 УУС домашний арест избирался до представления поручительства или залога, а также в случаях, если в качестве наказания за преступление «... грозит тюремное заключение или крепость без ограничения прав», «ссылка с лишением прав и преимуществ, каторжные работы с лишением всех прав состояния». Под домашним арестом, как указывала ст. 393 УУС, находились также обвиняемые до их доставления к следователю путем привода после вручения формальной повестки о явке. Известный правовед того времени А. Ф. Кистяковский отмечал, что домашнему аресту подвергались обвиняемые за совершение менее тяжких преступлений («политические нарушения и проступки»), более тяжких преступлений при отсутствии «достаточных улик в подтверждение обвинения», а также в случаях, «когда имущественное и бытовое положение обвиняемого таково, что есть полное основание предполагать, что он не уклонится от следствия и суда».

Однако в УУС, как и в сводах законов Российской империи 1832 г. и 1857 г., домашний арест не получил подробного правового регулирования, вследствие чего применялся редко, на краткие сроки и вызывал трудности при исполнении. Так, Своды статистических сведений по делам уголовным отражают применение данной меры пресечения лишь в 1893 и 1894 гг. в одном и двух случаях соответственно, в 1898 г. – в двух случаях. Е. В. Гусельникова указывает, что с 1864 по 1903 г. домашний арест избирался не более чем в десяти случаях.

Декрет о суде от 24.11.1917 г. № 1 сохранил меры пресечения, предусмотренные в УУС, исключив из их числа только отобрание вида на жительство и отдачу под особый надзор полиции. Остальные меры пресечения не были официально изъяты из закона и могли применяться для целей советского уголовного процесса. Вместе с тем новые правовые акты, называя арест наиболее эффективной мерой, не уточняли, является ли последняя задержанием, заключением под стражу или домашним арестом. Впервые в советском законодательстве перечень мер пресечения был сформулирован в Положении о военных следователях 1919 г. (п. 78), где домашний арест отсутствовал. Вместе с тем на практике он имел применение: например, с ноября 1918 г. по октябрь 1919 г., а

затем с мая 1922 г. по июнь 1923 г. под домашним арестом содержался Патриарх Тихон.

Возвращение к домашнему аресту наблюдается в УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г., УПК БССР 1922 г., где определялась сущность этой меры пресечения как лишение обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому с назначением стражи или без таковой. Однако, как и в дореволюционный период, основания и порядок применения домашнего ареста не были указаны в законе, что не способствовало его популярности у правоприменительных органов. В белорусском законодательстве домашний арест сохранялся и после внесения существенных изменений в УПК БССР в 1923 г. В общей сложности данная мера пресечения просуществовала в законодательстве союзных республик до 1960-х гг., однако какие-либо статистические данные, свидетельствующие о применении домашнего ареста в этот период, отсутствуют.

Система мер пресечения, установленная в 1920-е гг., оставалась неизменной вплоть до принятия в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (далее – Основы). В этом правовом документе домашний арест не был включен в число разрешаемых мер пресечения, но было указано, что законодательство союзных республик может предусматривать и иные меры, кроме перечисленных в ст. 33 Основ. Между тем ни одна из республик не воспользовалась этим правом и не вернула домашний арест в число мер пресечения. Сложившаяся ситуация не осталась без внимания ученых: одни считали исключение домашнего ареста из закона совершенно справедливым (М. С. Строгович), а другие поддерживали идею о восстановлении этой меры. Например, И. Л. Петрухин еще в конце 1980-х гг. предлагал вернуть домашний арест и усовершенствовать его процедуру, предусмотрев возложение на обвиняемого определенных запретов, применяемых с санкции прокурора, и установление надзора за его поведением вне дома. К сожалению, в советский период данные предложения не были поддержаны законодателем.

К началу XXI в. наблюдается возрождение домашнего ареста как меры пресечения на постсоветском пространстве и закрепление его в новых Уголовно-процессуальных кодексах Республики Казахстан (1997), Республики Беларусь (1999), Кыргызской Республики (1999), Азербайджанской Республики (2000), Российской Федерации (2001), Республики Молдова (2003), Республики Таджикистан (2010), Украины (2012), а позднее – Республики Узбекистан (2014). Появление домашнего ареста в законодательстве молодых независимых государств отражает их стремление заимствовать положительный дореволюционный и зарубежный опыт использования данной меры пресечения, способствовать гуманизации уголовного процесса и приведению его в соответствие с международно-правовыми стандартами.

Проведенное нами исследование истории становления и развития домашнего ареста позволяет выделить следующие периоды: 1) до 1832 г. – отсутствие в законодательстве и фактическое использование; 2) 1832–1917 гг. – закрепление в Своде законов Российской империи 1832 г., в УУС и единичные случаи применения на практике; 3) 1917–1960 гг. – существование в советском законодательстве и отсутствие на практике; 4) 1960 г. – конец 1990-х гг. – исключение из перечня мер пресечения; 5) конец 1990-х гг. – по настоящее время – появление в уголовно-процессуальных кодексах ряда государств на постсоветском пространстве и устойчивая, хотя и небольшая, практика применения. Такая периодизация свидетельствует о периодических попытках законодателя расширить перечень мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и тем самым сократить применение самой строгой из них – заключения под стражу. Однако на практике эти ожидания не оправдались, и домашний арест не стал реальной альтернативой заключению под стражу.

Данный тезис подтверждается статистическими данными Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Так, в 2005 г. в целом по республике под домашний арест было помещено 548 человек, в 2006 г. – 402 человека, в 2007 г. – 320 человек, в 2008 г. – 349 человек, в 2009 г. – 256 человек, в 2010 г. – 269 человек, в 2011 г. – 418 человек, в 2012 г. – 278 человек, в 2013 г. – 404 человека, в 2014 г. – 565 человек, в 1-м квартале 2015 г. – 147 человек, что составляет около 1–2 % от всех лиц, к которым применялись меры пресечения.

Основными причинами, препятствующими активному применению домашнего ареста правоприменительными органами, являются следующие обстоятельства. Во-первых, установление в законе тождественных условий и порядка избрания заключения под стражу и домашнего ареста приводит к чрезмерно узкому пониманию большинством процессуалистов домашнего ареста как круглосуточной охраны обвиняемого в его жилище, игнорированием иных вариантов (форм) данной меры пресечения. Во-вторых, отсутствие разработанного правового механизма реализации сопровождающих домашний арест мер, четкое разграничение субъектов, порядка и способов надзора за исполнением данной меры пресечения также не благоприятствует его избранию на практике. Названные обстоятельства создают реальные препятствия для использования домашнего ареста, несмотря на попытки законодателя изменить сложившуюся ситуацию.

В данном контексте имеются в виду нормативные предписания Главы государства о более широком избрании залога и домашнего ареста и взвешенном подходе судов и правоохранительных органов в применении заключения под стражу. Такие предписания содержат нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь: Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (утв. Указом № 672 от

23.12.2010 г.); Директива № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» (31.12.2010 г.); Указ № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь» (10.10.2011 г.). Названные акты Главы государства определили вектор развития правовой политики в применении мер пресечения и оптимизации законодательства, их регулирующего. В частности, реализация положений названного Указа № 672 в первый год его применения привела к увеличению количества случаев применения домашнего ареста до 183 в первом полугодии 2011 г. по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. (98); в целом по республике в период с 2010 г. по 2014 г. количество лиц, в отношении которых применялся домашний арест, увеличилось на 30 %.

Вместе с тем полагаем, что расширению диапазона использования домашнего ареста правоприменительными органами будет способствовать, в первую очередь, оптимизация уголовно-процессуальных норм о домашнем аресте и сопровождающих его мерах, установление в законе индивидуальных (а не тождественных заключению под стражу) условий и порядка его применения. Кроме того, совершенно очевидно, что необходимо разработать специальный межведомственный нормативный правовой акт, регламентирующий процедуру исполнения решения о домашнем аресте. Только такой подход позволит исключить различное толкование правовых норм о домашнем аресте, будет способствовать единообразному пониманию, применению и исполнению данной меры пресечения сотрудниками правоохранительных органов.